

*Моему отцу
Бадылкину Евгению Васильевичу,
воевавшему на Волховском фронте, взятому в плен
под Мясным Бором, узнику двух
немецких лагерей.*

*Отцы ели кислый виноград, а у детей на
зубах оскомины.*

Книга пророка Иезекииля

Пролог на небесах

1

Приемная рядом с кабинетом Бога (условные наименования небесных чертогов — по отдаленному соответствию с земными понятиями). Ангел-секретарь (должность тоже чисто условная, не соответствующая небесной иерархии), сидя за столом, чинит ножичком карандаши, выкладывая ими изгородь по окружности стаканчика письменного прибора. Телефон на столе мигает глазом и под сурдинку воспроизводит заданную мелодию.

Глумливый, надтреснутый, слегка гнусавящий голос в телефонной трубке. Это приемный покой?

Ангел-секретарь. Вы ошиблись. Приемные покои бывают в больницах. Это Зал для аудиенций.

Голос в трубке. Спасибо, что вразумил, керя, только зря дергался. Я ведь это так, для смеха приемный покой-то приплел. Или, вернее, ради приличия. У нас ведь кощунства — те же приличия. К тому же не могу я с тобой от скуки подыхать. Всевышний у себя? Принимает?

Ангел-секретарь. Сейчас спрощу.

Голос в трубке. Погодь, погодь. Не парься. Лучше я сюрпризом нагряну, без предупреждения.

Ангел-секретарь. Без предупреждения не положено.

Голос в трубке. Мне можно. Не так уж часто я здесь бываю. Мой приемный покой гораздо ниже, ха-ха-ха. Улавливаешь? То-то же. Так ты меняпустишь?

Ангел-секретарь. А вы где?

Голос в трубке. Тут, за дверью. Я по мобильнику звоню. На земле они еще не появились, мобилы эти, а у нас в аду их давно уже изобрели.

Ангел-секретарь (нажимая кнопку автоматического включения двери). Входите.

В приемную развязной походкой списанного на берег матроса входит дьявол, вихляя бедрами и нюхая темно-фиолетовый цветок, облепленный болотной тиной и пахнущий серой.

Дьявол. Ноздри дерет, зараза, не хуже табака. (Уставившись на ангела.) Что это ты?.. Ты вроде как на партайгеноссе Гимmlера стал похож.

Ангел-секретарь. Сходство с рейхсфюрером СС Гимmlером мне придано в наказание за допущенные мною оплошности. Я позволил себе сравнить Третий рейх с Советским Союзом, назвать войной спецоперацию на Украине, а Тургеневу отдать предпочтение перед Достоевским. Кроме того, я посмотрел en face на Полину Виардо, хотя подобные взгляды ее оскорбляют и даже бесят, поскольку анфас ее лицо теряет всю свою живость, прелесть и очарование.

Дьявол. Беситься — это по-нашему. Тем более без всякого повода, хе-хе. Уж если ты не родилась красавицей, тут никакими уловками не поможешь. Если же ты при этом еще и дура...

Ангел-секретарь. Почему же дура? Все считают ее почти такой же умной и образованной, как и ее авторитетный муж Виардо.

Дьявол. Лучше сказать: считают его таким же умным, как жена. Это как в том анекдоте про Брежнева. У нас внизу обожают эти анекдоты, но я не уверен, можно ли при тебе и к тому же в приемном покое... пардон, в Зале для аудиенций...

Ангел-секретарь (по-простецки). Валяй. Я ведь при Брежневе работал в Кремле, за голубыми елками ухаживал.

Дьявол (хохотнув от удовольствия). Брежнев встречает в коридоре Кремля старушку Крупскую. Она дрожащим голосом спрашивает: «Леонид Ильич, вы меня узнаете?» Он ей басовито, с сознанием высоты своего положения (выше него только Бог) покровительственно восклицает «Ну конечно, моя милая! Я вас хорошо знаю. И мужа вашего, товарища Крупского, тоже очень хорошо знаю». (Ждет от

ангела смеха и, не дождавшись, спрашивает.) Что же ты, корефан, не ржешь как лошадь? Не смеешься?

Ангел-секретарь. Нельзя. А то мне еще придадут сходство с самим Гитлером. Но вы мне не ответили, почему Полина Виардо дура.

Дьявол. Примеров много... Но вот, пожалуй, один. А потому дура, что она с ее пониманием искусства потребовала замазать один из лучших, наиболее удачных портретов Тургенева, начатый Репиным по заказу Третьякова.

Ангел-секретарь. Тоже анекдот?

Дьявол. Нет, действительный случай.

Ангел-секретарь. Тогда, пожалуй, можно и посмеяться.

2

Бог (сидя на шаткой табуретке с покосившимися ножками (почему-то принято считать, что Он восседает на троне) и чутким затылком улавливая тихий, вкрадчивый скрип открываемой двери). Не скажу, что я ждал тебя и готовился к встрече. Но я знал, что ты придешь.

Дьявол (притворно зевая и закрывая пасть ладонью). Как не знать всеведущему-то! Натурально знал. Я не отрицаю, хотя я и дух отрицания, по Гете. Вот и чесучовую тройку новую надел по такому случаю: не прими за намек на Троицу, хотя чего там — прими, ежели хочешь. Я на все готов, лишь бы Тебе подсюсюкнуть, поприятней быть. Словом, к тебе, державный, подольститься.

Бог (сдержанно, не поддаваясь на льстивые речи). Что же тебя привело ко Мне?

Дьявол. «Привело... ко Мне...» Фуй! (У дьявола защеколало в носу, и он чихнул). Любите вы, боги, высокопарно выражаться, как Сумароков или наш Гаврила Державин, два греховодника... где они у Тебя, в какой галактике срок отбывают? Впрочем, извиняюсь. Не боги, как я по неосторожности обмолвился. Ты у нас, конечно, один Бог, всеблагодный и всемогущий, а все прочие... элогимы, как гласит первая фраза вашей драгоценной Библии. Там ведь, коли я не ошибаюсь, *элогимы* — множественная форма от слова

«элиягу», и по смыслу получается: «Вначале сотворили элогимы Небо и Землю». Вижу, Ты протестуешь... Но я не гордый (вернее, невыносимо гордый, этакий выпененный гордец), и я поправлюсь: «Вначале сотворил Всевышний с помощью Своих элогимов Небо и Землю». Что — угодил я тебе? Стало быть, я не такой уж пропащий, и, наверное, зря Ты меня наказал столь несправедливо, что я, как молния, сверзился с небес...

Бог. Не будем пускаться в выяснение отношений. Говори, зачем пожаловал.

Дьявол. А то Ты не знаешь...

Бог. Ну знаю, но мне желательно, чтобы ты сказал, а мои помощники элогимы записали для вечности в тетрадь. Мы тетрадь эту в командирский планшет засунем и на землю спустим.

Дьявол. На кой ляд? (Зажимает себе рот ладонью.) Прости, державный... Зачем спустите?

Бог. Кое-кому пригодится...

Дьявол. Элогимы запишут, а какой-нибудь Гете подсмотрит и вставит в своего «Фауста» — как пролог на небесах. А после него один из Леонидов — Андреев, Леонов или на худой конец Бежин, конечно, не упустит случая использовать в своем романе.

Бог. Не трогай Бежина. Бежин — мой новый страдалец Иов. Впрочем, даром сказано, что судьба бережет тех, кого она лишает славы.

Дьявол. «Страдалец». Как же! Как же! Я сам и ему, и его героям намерен эти страдания, как дровишки в печку, подбрасывать. Но до его рождения еще далеко, а пока у нас там, на грешной земле, тридцатые годы, кои Ты почему-то возлюбил, как, впрочем, и Россию, то бишь Советский Союз, который некоторые уподобляют Третьему рейху. И в советском-то рейхе эти тридцатые с их индустриализацией, коллективизацией и кастрацией развернулись во всей красе.

Бог. Какой еще кастрацией? Что ты мелешь?

Дьявол (с ужимкой). Это я так... образно. В том смысле, что не до любви им сейчас... Все пошло на индустриализацию и коллективизацию.

Бог. Добавь к этому Красную Армию, ставшую одной из сильнейших армий в мире.

Дьявол. Ее Ты тоже, конечно же, возлюбил, как и всех этих Фрунзе, Ворошиловых, Буденных. Только Тухачевский для Тебя рылом не вышел, хоть он красавец из красавцев, покоритель женщин. Но у Тебя в пасынках ходит...

Бог. Покоритель... Варшаву покорить не мог.

Дьявол. Ты ж ему сам и не дал...

Бог (теряя терпение). Ладно, хватит. Что я там возлюбил — моя забота. Говори о своем деле.

Дьявол (всей своей мимикой — кривлянием — изображая просьбу о некоей уступке). О дельце, лучше сказать. Дельце же у меня так... пустяковое. Плевое, я сказал бы, дельце. Куда мне до больших-то дел...

Бог. Не приbedняйся, керя. Я этого не люблю.

Дьявол (удивляясь, как ловко его подловили на словце). Ах, я и забыл, что Ты слышишь сквозь стены. Изволь, изволь, не буду приbedняться. Дело у меня такое. Насколько мне известно, Ты задумал еще одно из Твоих благих начинаний — создать на земле ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, уподобив его ТЫСЯЧЕЛЕТНЕМУ ЦАРСТВУ ХРИСТОВУ. Весть об этом с восторгом встречена на небесах. Ангелы ликуют и рукоплещут. Еще бы! Границ между странами — изгородей наподобие тех, что возводит Твой секретарь из отточенных карандашей в стаканчике письменного прибора, больше нет — они уничтожены. Полосатые столбы с гербами повалены. Колючая проволока срезана. Соответственно, и былой вражды между странами, войн и диверсий, всяких там территориальных споров, национальных *вопросов* тоже нет, как не было их уже в Советском Союзе. Нет больше и местных парламентов, судов и правительств, а есть один Хозяин — Иисус Христос в лице великого Сталина, пекущегося о всеобщем благе и процветании. Словом, все отменно ХОРОШО, как и не снилось лучшему и талантливейшему, — ну просто разлили малина! Никаких тебе экономических кризисов, спадов, порчи окружающей среды. Все будут блаженствовать как у Христа за пазухой. Недаром о Едином государстве земли мечтали в прошлом, будут мечтать и в будущем, но ближе

всех к осуществлению этой идеи подойдет именно он — Твой избранник Сталин со своими освободительными походами. Успех ему обеспечен, но... Но, Всевышний, позволь мне вмешаться и Твое начинание не то чтобы слегка подпортить — оно никакой порче не подвластно, но испытать, как испытывал я Иова, а затем Александра Македонского, римских императоров, Ивана Грозного и прочих. Ведь ты мне это обычно позволяешь — вот и сейчас позволь.

3

Бог (пропуская первую, вторую причину его просьбы и называя третью, потаенную, глубинную, даже сокровенную). Ты это из ревности? Сознайся...

Дьявол (застигнутый врасплох, даже испуганный такой беспощадной пронизательностью). Ну что Ты, что Ты! Помилуй! Какая там, к бесу, ревность! Да и с чего ревновать-то?

Бог (наставительно). А с того ревновать, что сам ты замыслил нечто подобное, но только под названием ТАЙНОЕ МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Дьявол. Да куда моему ПРАВИТЕЛЬСТВУ до Твоего ГОСУДАРСТВА. У меня ж там все масоны и сионские мудрецы с их пресловутыми протоколами, а у Тебя — высший синклит умов, мудрые государственники, радетели о всеобщем благе.

Бог. В том-то и беда, что таких днем с огнем не сыщешь.

Дьявол. А Сталин?

Бог. Сталин, конечно, великий ум, радетель и государственный, хотя при этом и коммунист, да и крутенехонек к тому же. Но он же один. Он катастрофически одинок — не то что твой Гитлер.

Дьявол. А при чем тут бесноватый Адольф?

Бог. Ты же его выставяешь против Сталина...

Дьявол. Но есть же Муссолини, Франко, в конце концов...

Бог (пресекая изворотливость собеседника). Не будем лукавить. Ты сделал ставку на Гитлера. По твоему разумению, именно бесноватый Адольф, как ты выразился, должен сорвать Великий План Сталина.

Дьявол (не принимая лестного комплимента от Бога). Какое там понимание! У меня мозги-то куриные, да и те от горячих сковородок оплавилась и слиплись.

Бог. Нет, братец, сковородки тебе не помеха. Ты дьявол и поэтому дьявольски хитер, изворотлив, но меня не обхитришь.

Дьявол. Твои слова о моей хитрости мне напоминают лозунг: «Экономика должна быть экономной». Пусть даже и так, но Ты мне позволяешь?

Бог. Что я должен тебе позволить?

Дьявол. Будто Ты не помнишь!

Бог. Ах это! Испытать мой замысел.

Дьявол (с азартом). Да-да, испытать!

Бог (поскучневшим голосом). Ну валяй — испытывай, ежели так охота...

Дьявол (удовлетворенно шмыгнув носом). По рукам?

Бог (брезгливо поморщившись). Что ж, по рукам, по рукам, хотя ты рук-то не моешь...

Дьявол. По такому случаю обещаю, клянусь даже — вымыть самым лучшим, душистым мылом, какое у вас только ангелам, да и то не всем выдают. А Ты уж будь добр... подпиши Свою божественную под договором... поставь. У Тебя девяносто девять имен. Вот любим из них и подпиши.

Бог (не без толики отвращения). Что ж, давай, сукин сын.

Дьявол. Если б я не был уверен в Твоей любви, я бы обиделся.

Бог. За что тебя любить-то?

Дьявол. А Ты притчу о блудном сыне вспомни. Блудно-го-то, младшего, отец любит больше, чем старшего, хотя старший не блудил, отцовские седины не позорил и его не покидал.

Бог (привставая с табуретки). Ладно! Будешь еще мне притчи рассказывать! Давай бумагу, пока я не передумал.

Дьявол гаерским жестом фокусника одергивает на локтях рукава, с возгласом «Валя!» (и скверным нижегородским произношением) извлекает из рукава свернутую трубочкой и перевязанную алой лентой бумагу. Он бережно разворачивает ее, разглаживает на колене, и, когда Бог, отвернувшись, ставит подпись, дьявол заверяет бумагу конторской печатью.

Глава первая

Командирский планшет

Маршальский

Наша семья жила в маршальском доме, называвшемся по-разному: «5-й Дом Советов» и «Грановского, три», из чего следует, что было еще по крайней мере четыре Дома Советов, куда из Петрограда в марте 1918 года переселилось новое большевистское правительство с семьями, мебелью, письменными столами, ширмами, этажерками, узлами и чемоданами. Назову их для того, чтобы стало ясно, как из этих Домов Советов, выглядевших словно дворцы с роскошным убранством и всеми достижениями самого современного промышленного комфорта, возникла идея Дворца Советов, который решили возвести на месте взорванного храма Христа Спасителя.

Итак, «1-й Дом Советов» — гостиница «Националь», где поселился Ленин с женой Крупской, прятавшей под очками выпученные от базедовой болезни глаза, и сестрой Маняшей — Марией Ильиничной. «2-й Дом Советов» — гостиница «Метрополь», «3-й» — бывшая Духовная семинария в Божедомском переулке, «4-й» — Доходный дом с гостиницей «Петергоф», расположенный на углу Воздвиженки и Моховой. И наконец, «5-й» — ансамбль доходных домов Александра Дмитриевича Шереметева на Грановского (бывшем и будущем Романовом переулке).

В чем отличие «5-го Дома» от предыдущих четырех? Не только в курдонере с фонтаном, спланированном архитектором Александром Фелициановичем Мейснером. Курдонер — это, конечно, верх архитектурной элегантности и изыска, но все же главное отличие не в нем. Для меня как автора этих записок гораздо важнее то, что в тех Домах за малыми исключениями обитали гражданские

чины большевистской верхушки, 5-й же был выделен под военную элиту. Поэтому в народе этот дом, собственно, так и окрестили — маршалским.

Но это не единственная причина. Мало ли где у нас жили маршалы, а название закрепилось лишь за этим домом. Спрашивается почему? А потому, что маршалы эти — при их рабоче-крестьянском происхождении, соответствовавшем самому названию РККА, были, не побоюсь сказать, особого рода посвященные.

Особого — потому что они слыхом не слыхивали о всяких там элевсинских мистериях или чем-то подобном, но зато были посвящены в тайны Гражданской войны, а Гражданская война — это мистерия почище элевсинских.

В частности, они многое знали о подвигах 2-й Конной армии и ее командарма Филиппа Кузьмича Миронова, которого Троцкий велел расстрелять и сам же в последнюю минуту приказал отменить расстрел.

Но 2-я Конная — это еще, фигурально выражаясь, не *кикеон*, не священный напиток из ячменя, дарующий посвященным прозрение. Истинное прозрение наступало тогда, когда посвященные приобщались к тайне начала ВОВ — Великой Отечественной войны и позволяли себе на этот счет весьма вольные, по-советски либеральные, вызывающие и даже скандальные высказывания, и письменные, и устные.

Устные — во время празднеств и застолий, собиравших ветеранов элевсинских мистерий (наш дом помнит множество таких застолий). И письменные — в своих маршалских мемуарах, конечно изрядно битых молью военной цензуры, но все же моль всего не выела и кое-что сохранилось для потомков.

В частности, большинство в нашем маршалском доме никогда не признавало дату двадцать второе июня 1941 года началом войны, а 1418 дней — ее истинным сроком. Соответственно большинство маршалов едва заметно улыбалось и скептически побрякивало (покашливало в кулак), слыша о том, что Гитлер обрушил внезапный удар на Советский Союз, который только и делал, что боролся за мир во всем мире и сам жил мирной, счастливой жизнью.

Такая уж ли она была мирная? Может быть, вовсе и не *такая*, а совсем другая? Во всяком случае, не особо-то и мирная? На это намекал маршал Александр Михайлович Василевский, коему я от мальчишеского восторга всегда отдавал во дворе честь, и он серьезно — без всяких шуточек — отвечал мне тем же.

Уж у Василевского-то повод для такого намека был, поскольку он как начальник Генштаба и главный стратег предвоенного времени планировал совсем не ту войну, которая началась датой двадцать второе июня. Не ту, знаете ли, и рассчитанную не на 1418 дней, а на срок куда более короткий — короткий, как финский нож (по аналогии с Зимней войной), исчислявшийся не годами, а месяцами и неделями.

Войну, рассчитанную на молниеносный удар, и для этого удара военные округа по всему Союзу были развернуты в армии и брошены к западным границам...

Но это вопрос щекотливый. Во всяком случае, официальные историки подобных фактов не признают и упрямо держатся за свои две двойки (22 июня). Поэтому официальных историков — даже самого высокого ранга — у нас не жаловали, ссылаясь хотя бы на то, что наш Тимофей Николаевич Грановский был историком выдающимся, но никак не официальным. Неофициальным хотя бы потому, что слишком западал на западничество (да простится мне дурной каламбур) и водил сомнительные дружбы с Герценом и Огаревым, а уж те устроили на всю Россию заполюшный колокольный звон — бог не приведи...

Впрочем, тихий был звон, едва-едва в России слышный. Колокол-то висел, как известно, в Лондоне, там же колокола не ухают на всю ивановскую, а мелодично — пристойно — позванивают. К тому же еще Пушкин говаривал, что на чужой манер хлеб русский не родится. Да и не только хлеб, хотя и хлеб в первую голову, поскольку он по сокровенному смыслу не только еда, но и слово — слово Божие, за коим всегда маячит как тень слово сатанинское, крамольное, революционное. Недаром из христианского просвещения сердца уродливо отпочковалось и бесстыдным сорняком расцвело вольтеровское Просвещение.

Впрочем, не буду нападать на Вольтера (его любил мой дед и обожали тетушки) и вернусь лучше к нашему Грановскому.

Грановский же своего рода революционер и бунтарь, хотя держал себя в академических рамках. При большевиках это ему зачлось, и они придали ему некоторый официальный лоск, присвоив его имя бывшему Романову переулку. Но после большевиков Роман его вытеснил и забрал назад свой переулок.

Так что недаром сказано: сегодня я лицо официальное, а завтра, глядишь, и неофициальное. Или, наоборот, сегодня — неофициальное, а завтра... Но это дела не меняет.

Однако к чему я веду? А веду я к тому, что мой отец — а он пользовался среди маршалов нашего дома большим уважением и за свои познания, и за участие в штурме линии Маннергейма — называл себя любителем военной истории, и не больше того. Дед же мой в историки вообще не лез, а занимался теорией (феерией, как он выражался по свойственному ему озорству характера) военного дела.

И хотя некоторые выводы исторического характера ему приходилось делать, он как историк называл себя свободно мыслящим дилетантом и за точными историческими справками отсылал всех к своему другу генералу, комдиву, профессору Александру Андреевичу Свечину.

Образцово затмевал

Мемориальной доски, посвященной памяти деда, нет на фасаде нашего дома. Чтобы подобную мраморную доску установить — вогнать в штукатурку медные болты по ее четырем углам, понадобилось бы сдвинуть остальные доски, отчего штукатурка непременно посыпалась бы, а зияющие дыры, как их ни затирай и ни замазывай, выглядели бы скверно. Я бы даже уточнил: выглядели бы словно новые заплаты на старых, прохудившихся мехах с вином. В Евангелии об этих заплатках кое-что сказано...

Но что именно, я, впрочем, точно не помню, поскольку в нашей семье больше читали Маркса, чем Марка, больше

Ленина, чем Луку. Хотя могу засвидетельствовать, что старенькое, слепенькое, на пожелтевшей бумаге Евангелие у деда все же было. Он держал его у самой задней стенки книжного шкафа, чтобы при обыске (а обысков тогда ждали все — даже среди обитателей нашего дома) сразу не копнули, не ковырнули и не обнаружили. Иногда ухитрялся достать, по плечо просунув руку за ряды книг, раскрывал, перелистывал, что-то прочитывал и тотчас возвращал на место.

Помимо Евангелия, дед чтит писания Оригена Александрийского, называя их векселями на получение тайных знаний. Он следил по карте за экспедициями Рерихов, а также не без известного кокетства называл себя немного антропософом, что давало повод Свечину воскликнуть, словно отчитывая на экзамене нерадивого студента: «Каша в голове! У тебя, мой милый, каша в голове, причем с непроваренными комочками — эзотерическая!» — после чего он досадливо выговаривал деду, чтобы тот пожалел свое время и вместо подобной ерунды занимался бы настоящей наукой.

Я помню свечинские выговоры, его воздетые над головой кулаки, коими он потрясал в воздухе, вразумляя деда.

Потрясал так, что рукава его генеральского кителя сжимались в гармошку и спадали до локтей. Я мог бы многое рассказать об их спорах, однако для меня важнее сказать о другом: если все же кому-то нейдет установить доску, то придется для этого начинать новый ряд, дед же всегда противился и не желал, чтобы его считали *зачинателем*.

Как теоретик военного дела он всегда называл себя продолжателем, последователем — кем угодно, но только не зачинателем. Эту честь он отдавал другому (как Татьяна у Пушкина другому отдана и будет век ему верна).

Поэтому в моем поколении... а наша семья, как всякое большое семейство, разбросанное и по Москве, и по Ленинграду, и осчастливившее своим присутствием даже славный город Владикавказ, где обитает наша тетя Адель, бывшая балерина и отчаянная клептоманка по части редких книг, делится на поколения, причем по признаку: кого и когда посадили, сослали или расстреляли... так вот, в моем

поколении мысль о том, чтобы вымерять стену и крошить штукатурку, ввертывая болты для мраморной доски, к счастью, окончательно заглохла.

— А ну ее, эту доску! Пропади она ко всем чертям! — как сказал бы сам дед, а если бы моя мать умоляюще взглянула на него, чтобы он зря не поминал нечистую силу, то тотчас поправился бы: — Ко всем Маркам, Матфеям и Иоаннам!

При этом мать непременно спросила бы:

— Что ж ты Луку-то пропустил?

— Твой Лука во множественном числе плохо склоняется, — фыркнул бы дед, все-таки предпочитая евангелистам чертей, если речь идет об увековечивании памяти, мемориальных досках и прочей подобной чепухе.

Воистину уж он не потерпел бы, чтоб его профиль высекали на мраморе. И особенно страдал бы из-за усов, повторяя со скрытой издевкой, что усы у него не такие устрашающие, как у Буденного (доска Семена Михайловича прочно прибита к фасаду), а совсем незаметные — узкой вертикальной полосочкой под носом — и скульптору наверняка не удастся воссоздать их во всей красе.

Вот и вся моя преамбула, или *преамбуленция*, как опять-таки выразился бы дед, выдумщик, искусник и озорник по части всяких словечек — не письменных, а устных. Писал же он, надо признать, суховато, языком приказов и реляций — писал почти так же, как один из его учителей, теоретик глубокого боя, грек по происхождению, Владимир Кириакович Триандафиллов. И это считал своим недостатком, ведь в те времена и среди революционных вождей, и среди военных теоретиков царила мода на литературные красоты, введенная Троцким, считавшимся первоклассным стилистом.

Ну а Троцкого образцово затмевал если не сам мой дед, то его верный друг генерал Александр Андреевич Свечин.

Его мемориальной доски тоже нет на фасаде. Хотя в нашем доме он часто бывал, подолгу гостил, если его слишком допекало одиночество и надоедало бесцельно слоняться по своей огромной квартире, раздраженно шаркая ногой (к каблuku вечно прилипала брошенная на пол газета), и постоянно сознавая, что не с кем перемолвиться словом.